

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**ПАМЯТИ ДРУГА, ТОВАРИЩА, КОЛЛЕГИ
АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА СМОРНОВА**

27.04.1947, Лиепая – 18.11.2022, Пушкин

**IN MEMORY OF A FRIEND, COMRADE, COLLEAGUE
ALEXANDER MIKHAILOVICH SMIRNOV**

27.04.1947, Liepāja – 18.11.2022, Pushkin

Ушёл из жизни Александр Михайлович Смирнов. Александр, Саша, Михайлыч, как любили его называть близкие друзья и знакомые, ушёл в мир иной...

А. М. Смирнов, выпускник истфака ЛГУ, один из лучших учеников проф. Л. С. Клейна, блестящий раскопщик с огромным опытом спасательных и научных археологических работ. Его знали и ценили коллеги как отличного полевика, великолепного знатока мегалитов, мастера раскопчного ремесла, эрудированного и невероятно одарённого. При первом знакомстве он удивлял своим интеллектом, знаниями, отличными аналитическими способностями.

Наше «научное» знакомство быстро и незаметно переросло в дружбу, не всегда

близкую, т. к. Александр был весьма замкнутым человеком, говорил о себе всегда мало¹, сходилсЯ с людьми не сразу, открывался не моментально, но постепенно и всегда с самой лучшей стороны. Он щедро делился знаниями, литературой,

¹ Только из случайного разговора стало известно, что он ветеран боевых действий на Даманском. Александр мало рассказывал о себе, но всегда замечательно и много говорил о раскопках, с большим воодушевлением обсуждал волновавшие его научные проблемы, рассказывал о своих учителях, прежде всего, о Л. С. Клейне, которого очень почитал; любил экспедиционные истории и смешные байки, когда было настроение, прекрасно умел их рассказывать. Фотографироваться, специально позировать не любил, фотокарточек А. М. Смирнова почти нет. Хорошо, что уцелели его редкие, но замечательные по стилю и содержанию электронные письма за последние 7 лет.

идеями, а они у него часто были свежими и оригинальными, будившими сознание, никогда не отказывался помогать¹, прекрасно знал источники, новую литературу по археологии, религии и древнему искусству.

Работал во многих регионах бывшего СССР (Волго-Донское междуречье, Украина, Калмыкия, Ставрополье, Прикубанье, Приазовье, Адыгея, Кавказ, Молдавия) и за его пределами: в Болгарии, странах Средиземноморья – в Сирии, Египте. Кавказ, Крым и все прилегающие регионы привлекали его своими мегалитами. Будучи сотрудником ИА РАН в Москве, большую часть года А. М. Смирнов работал по хозяйственным договорам на разведках, без отпусков. В 1985 г. после аспирантуры ИА РАН защитил замечательную по охвату и глубине кандидатскую диссертацию, посвящённую катакомбным погребальным памятникам. На её основе была подготовлена монография «Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце» (М., 1996), не потерявшая актуальности и в настоящее время.

Яркость, даровитость и талант Александра Михайловича отмечали многие учёные, но его оригинальные нестандартные исследовательские идеи, которые предлагались для научных работ и планов, далеко не всегда находили поддержку и понимание. Прямота его суждений, честность, доходившая до резкости, приводили иногда к настоящим карьерным неприятностям. Начальство его не очень жаловало.

¹ А. М. Смирнов охотно помогал студентам и аспирантам, с удовольствием читал их работы, советовал, рецензировал. Порой очень остроумно и не обидно делал замечания, правильные и по существу. Запомнилась его фраза из рецензии, что «Камасутра» по употреблению некоторых специфических терминов при описании интимных подробностей анатомии гораздо скромнее некоторых студенческих работ. После прочтения одного не очень удачного студенческого диплома, написал: «Silentium! «Поймет ли он, чем ты живешь?// Мысль изреченная есть ложь!» (Ф. И. Тютчев). Иногда плохие работы ценны тем, что шевелят запылившиеся извилины. Правильная археологическая цензура нам давно уже необходима».

Тем не менее часть из его предложений была реализована фундаментальными научными статьями с огромным списком источников и литературы на всех европейских языках. Полный список его работ ещё не составлен, авторское наследие сравнительно невелико – упомянутая монография и более 20 научных статей, но многие из них достойны докторских диссертационных тем.

А. М. Смирнов не ограничивался основной специализацией по изучению монументальных погребальных комплексов, круг его научных интересов был необычайно широк. Его статьи по тематике дольменов и атрибутике монументальной антропоморфной скульптуры выходили в малотиражных сериях².

Александр отличался физической крепостью, стройностью, какой-то спортивной подтянутостью (возможно, после армейской подготовки), порывистостью в движениях, быстротой реакции, чёткостью речи, ясностью мысли, логикой рассуждений и невероятной зажигательностью при обсуждении научных проблем и открытий. Был похож на светлого русского воина и внешне, и внутренне, выделялся прямотой и резкостью суждений, если чувствовал в чём-либо несправедливость и неправду. Но его нордическая суровость и внутренняя сосредоточенность порой отпугивали непосвящённых.

Александр Михайлович не терпел небрежность, расхлябанность и невнимательность на раскопе. Был требователен к себе, но и спрашивал с других. Археологические дневники его отличались чёткостью и ясностью, в лучших традициях советской археологической школы. Рядом с ним было очень интересно.

Во всём и всегда, даже в мелочах, он оставался глубоким мыслителем. Идеально и красиво раскапывал курганы,

² Только небольшая часть была выложена на сайте academia.edu, где профиль А. М. Смирнова по-прежнему доступен для всех желающих [Электронный ресурс]: URL: <https://independent.academia.edu/AleksandrSmirnov>.

мастерски расчищал костяки, гробницы, артефакты. Любое раскопанное им погребение выглядело как изысканное произведение искусства: все детали были раскрыты, ничего не сломано, не сдвинуто или потревожено. Человеческие кости знал прекрасно, прослушав полный курс антропологии на биофаке университета, при этом не уставал познавать всё новое, что помогало во время археологических разведок и раскопок.

Великое умение настоящего полевика – отлично читать и понимать стратиграфию, горизонтальную и вертикальную – у него было развито превосходно. Александр Михайлович прекрасно чертил и рисовал. Нередко ему доверяли работу художника, чертёжника и архитектора, которую он зачастую выполнял после тяжёлого раскопного дня.

После развала СССР, который он переживал очень тяжело, А. М. Смирнов разрывался между Латвией, где у него осталась мама, Москвой, а потом и Санкт-Петербургом (Пушкиным), куда он переехал после вынужденного ухода из ИА РАН¹. А. М. Смирнов был женат на итальянке, которая тоже занималась археологией. Сын остался с мамой в Италии, но Александр не мог жить нигде, кроме Родины, Россию не оставил, хотя возможностей, предложений и зарубежных связей у него хватало².

Долго и сильно болел в конце жизни. Перенёс несколько тяжёлых полостных

операций, не роптал. Мужественный был человек. Стоик по натуре. Православный. Вёл весьма аскетичную жизнь, отличался скромностью, крайней неприхотливостью, нестяжанием. «Мы все неприхотливы, я и сейчас в Пушкине, как когда-то в Москве, да как и в экспедиции, сплю на полу и мне это вполне по нраву. Такой образ жизни понравился мне ещё в 1991 г. в Сирии, там этот аскетизм обычен даже у местных шейхов» – сообщал он в одном из писем.

Когда позволяло здоровье и финансы, ездил летом в свой дом в Даугавпилсе, о котором говорил как о монашеской келии, где ему хорошо думается, пишется, читается. «Это теперь глубокое захолустье, пенсионерский рай, крестьянская полувывершая Латгалия, далёкая от прочей, фашистской Латвии. Мой дом, парк, хорошая русская литература, которую читать стало наслаждением, после того как наш язык превратили в англо-помойку (скоро одна кириллица останется!), пара ближайших магазинов, минимум общения («Пребывай в своей келии и келия тебя научит всему»: авва Моисей) – мне хорошо».

Очень хотел в поле, – «раскопать пару ящичков», но много лет был невыездной, врачи ему запретили южное солнце и тяжёлые нагрузки.

Друга нет более рядом, но память о нём жива!

Царствие Небесное, р. Б. Александру!³

Н. И. Винокуров,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков МПГУ имени В. Ф. Семёнова, директор Центра археологических исследований МПГУ, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН

¹ Впоследствии он писал, что вызывало «...раздражение отдела и дирекции, что я занимаюсь неправильной, несанкционированной археологией, что проявлялось в отказах отдела рецензировать мои плановые темы и в итоге – моё соответствие».

² Иностранные коллеги считали его одним из лучших специалистов по мегалитическим сооружениям Европы и Кавказа, ценили, неоднократно приглашали на работу и стажировки. А. М. Смирнов владел несколькими европейскими языками, во время многолетней работы ИА РАН в Сирии под руководством Р. М. Мунчаева изучал арабский, древние языки неплохо знал после университета. Любил пословицы на латыни, чем приводил в недоумение рабочих и студентов на раскопе.

³ Упокоен на Южном (Пулковском) кладбище Санкт-Петербурга.